

Читал же и раньше я этот рассказ... Но именно сейчас я как-то особенно его почувствовал, так, что чувствованием этим мне захотелось поделиться.

О чём этот рассказ? О людях, о конях, о времени и вечности, о любви... Он глубок, этот рассказ, как жизнь, и прост, как смерть...

Называется «Кони», а ведь там, собственно, и коней-то нет. Три мерина, один жеребчик, так и не успевший стать конём, остальные кобылы.

Но все вместе они «кони», даже не лошади. Потому что именно

только так друг к другу и относиться? - спрашиваю уже я сам себя).

Вот так он относится и к шофёру (возит председателя колхоза) Серёге. Любуется им, рад, когда парень подходит к его костерку, рад ему последний кусок пирога отдать...

Серёга второй год ходит к учительнице... Он обычный этот Серёга - не плохой и не хороший... Ему не жалко ни Лабутю (например, ради шутки подпалил шалаш, в котором спал Лабутя и смеялся, глядя, как тот выскакивает из огня), ни учительницу, с кото-

« - Лабутя! - Серёга резко затормозил. - Скоро хана твоему царству, иди ко мне в заместители!

- Чего?

- Я говорю, переучивайся, пока не поздно, расформируют твою кавалерию! - Серёга, хохоча, включил скорость и уехал, только мелькнул брезент на машине.

Лабутя не расслышал последних Серёгиных слов и улыбнулся, думая про себя: «Хороший парень, от мазурик!»

Лабутя так и не понял до последнего дня, что всё - конец пришёл «его кавалерии». «Через два дня ло-

стились или готовились проститься с мужьями, братьями... В тот день забрали в армию и коня, на котором Миша Советов «выпахивал до гектара в день». А вскоре уж и его, Михаила Советова, забрали. Недавно, в возрасте за девяносто лет, ушёл в лучший мир Михаил Афанасьевич... Уходит-уходит поколение, для которого конь был кормильцем и другом...

Кони тоже воевали! Как люди уходили они на войну и гибли там (кто посчитал «конские потери?»), и внесли свой вклад в нашу Победу...

Дмитрий ЕРМАКОВ

На берегу Волосатихи

(после прочтения рассказа В. И. Белова «Кони»)

конь - древний символ той Руси, которая коня возносила к небу, устанавливая на крышах изб, и уже эти деревянные кони (вспомнили Абрамова?) влекли сами избы, саму деревню, всю деревенскую Русь в небо, к солнышку, к Богу...

Начинается рассказ вот так: «Волосатиха дышала то береговым теплом, то холодом своего плёса, и в этом дыхании глохла и без того редкие ночные звуки».

Волосатиха - это река. Случайно ли такое имя реки (и, между прочим, первое после названия слово в рассказе)? Почему у реки такое название - не слишком (для нашего времени) благозвучное? Но, между прочим, чисто славянское. Не так уж много в наших местах славянских гидронимов, в основном - финно-угорские (как, например, и Сохта - речка, на которой стоит родная деревня Белова Тимониха)...

Мне думается вот что - речь-то в рассказе о конях и о пастухе. А Волос (или Велес) - «скотий бог» в славянской мифологии. Таким названием реки Белов сразу обращает нас в давние-давние времена, но именно к славянам-скотоводам, а не к охотникам угро-финнам.

Читаем чуть далее: «Слева виднелось белое колено дымящейся Волосатихи. Справа угадывалась песчаная дорога. По слухам, как раз в этом месте часто «бланило и пугало»: давно когда-то схоронили тут спившегося коновала. Говорили, что коновал был неместный, что ночью, в летнюю пору, он вставал из земли и до рассвета жадно пил воду, не мог напиться, и будто бы всю ночь в его сухом от жажды горле булькала речная вода».

Образ этот, вроде бы, эпизодический, «неместного» коновала очень важен. Во-первых, он - человек, имеющий самое непосредственное отношение к скоту, похоронен именно на берегу Волосатихи (реки Волоса), что подсказывает ещё раз, что название реки выбрано автором не случайно. Во-вторых, главный герой рассказа пастух Лабутя тоже «неместный».

«Мало кто помнит, когда и как прижился в колхозе Лабутя... Никого из родных у него, видно, не осталось, родом он был из-под какой-то далекой Устрики», - сообщает о нём автор. А вот ещё одна и главная характеристика пастуха Лабути: «Кроме всех людей, любил он ещё животных, особенно лошадей».

Лабутя, действительно, любит всех. Причем, он изначально уверен, что и к нему все относятся так же, любят. (А и не должны ли мы, по замыслу о нас, людях, именно так и

Фото из архива редакции

рой он, конечно же, «позатрошил и бросил» и уж тем более не жаль ему коней...

А вот Лабутя любит коней. Как людей любит. И опять вопрос: а не должны ли мы, люди, именно так относиться к животным - милосердно?

Именно глазами Лабути автор и смотрит на лошадей. Глазами любящего и жалеющего человека. Так и рассказывает о них. Дается «портрет» каждого коня (мерина, кобылы, жеребчика), описывается его характер, приводятся случаи из жизни... Автор любит коней так же, как Лабутя...

А вот, например, председатель колхоза, что? Ведь это он дал приказ сдать лошадей на мясокомбинат. Ему, как и Серёге, не жалко лошадей? Может, и жалко, но он делает то, что необходимо - отдаёт приказ «сдать лошадей государству», т. е. на мясокомбинат. Всё-таки колхоз - это производство, экономика. И председатель исходит из производственной и экономической необходимости. Держать коней, невыгодных для колхоза, он не может, это в ущерб экономике колхоза, а значит, и колхозников, людей.

Кстати, коров в деревенских личных подворьях не стало именно из самых практических соображений - не выгодно. Молоко сдать некуда (сельхозпредприятия не принимают молоко у частных, борясь за высокую «сортность», от которой зависит и цена молока, сдаваемого на молкомбинаты), а для себя - легче купить в магазине. И коней в личных хозяйствах давно уже нет - ни к чему. Да и на мясо резали животных всегда. Это нормальное отношение к животным. Понятное. Именно так и председатель относится к лошадям, сдать их - необходимость.

А вот Серёга - злорадствует, подначивает Лабутю.

шадей приказано было гнать в город. Лабутя, как во сне, набил мешок сеном, перекинул его через Верю. Забрался наверх. Трое мальчишек сделали тоже самое с Анисой, Евнухом и Зорей. Остальных обратали».

Мальчишки-то ещё не понимают, что уходит от них, что теряют они навсегда. Для них это пока всего лишь замечательное приключение - доехать до города на лошади (а обратно-то на машине!). Они, конечно, знают, что лошадей «сдают», но они не вдумываются даже, что за этим словом стоит. Пройдут, может, годы и годы (действие рассказа происходит в 60-е годы), и седые уже мужики вспомнят, как ездили на лошадях в город, последний путь тех лошадей вспомнят...

А вот их матери и бабушки жалели этих последних лошадей - и потому, что женщины вообще более жалостливы, и потому, что помнили времена, когда конь был кормильцем.

«Когда выезжали из деревни, то около скотного двора собралось несколько баб. Бабы стояли, плакали, взглядом провожая лошадей до поворота дороги».

Я вспоминаю рассказ Михаила Афанасьевича Советова (выходца из деревни, прошедшего войну, побывавшего и председателем послевоенного колхоза), о том, как в первый месяц войны через их деревню гнали в город и далее на фронт лошадей, собранных в окрестных колхозах. «Тишина была в деревне, только слышно, как кони идут. А от каждого двора, от каждой калитки мальчишка с посланным куском хлеба бежит к ним...» А это ведь их матери послали, мальчишек-то, прощались с кормильцами-конями, как уже про-

Ещё вспоминаю, что я в своём детстве, хоть был городским ребёнком и в деревне бывал лишь на каникулах, успел прикоснуться к такому коню-труженику. (Я не помню его клички, не помню даже конь это был, кобыла или мерин - не важно было). Но помню, как один раз посидел на металлическом сидении конных граблей, держась за вожжи, и лошадь сперва потянула грабли, а потом сама и встала, чувствуя неумелость и напуганность мою, а деревенские мои дружки смеялись, и потом показывали, как надо: по-мужицки матерясь, погоняли лошадь, и натягивали вожжи с криком «р-р-р!» И, наверное, на этой же лошади я однажды прокатился верхом, кто-то из взрослых вёл её, а я сидел в седле, и было страшно и радостно. В другие мои приезды уже не было в деревне лошади, но тогда я даже и не задавался вопросом - где она? Впрочем, догадаться о её судьбе не трудно...

И вот в городе приёмщик принял коней, и «... Лабутя, не видя белого света, пошёл в магазин, купил четвёртинку». И вдруг увидел, как ведут их, уже точно в последний путь гонят, через городскую пахнущую бензиновой гарью площадь. «Малька... узнала Лабутю, тихо заржала, и все кони остановились и тоже повернули головы к пастуху».

Вместе с мальчишками он вернулся на Серёгиной машине в деревню, а на следующий день пропал.

«То ли его вновь потянула бродяжья воля, может, сидевшая в нём с самого безотцовского детства, а может, его позвала к себе родная деревня - безвестная далёкая Устрика». Всё - этими словами кончается рассказ. Но с этими словами вспоминается тот коновал, о котором зачем-то же написал Белов в самом начале. Отчего спился он когда-то? Почему на берегу Волосатихи похоронен?.. А ведь и Лабутя с горя выпил - куда же его дальше это горе уведёт? Где он, Лабутя... Был он - живая совесть. И не стало его, как тех коней...

... И ныне встаёт в летнюю пору из земли и до рассвета жадно пьёт воду из Волосатихи тот спившийся коновал. И слышно в тумане всхрапывание коней, а на обсыпанном сосновыми шишками бугре над самой Волосатихой виднеется костерок, и греется у огня Лабутя, который «кроме всех людей, любил ещё животных, особенно лошадей».

... А может, всё это я выдумал и надо просто прочитать рассказ Василия Белова «Кони».